

Содержание

<i>Сергей Беляков. Валентин Катаев и его Одесса</i>	9
Сквозь сон	25
Лимончик и Кудлатка	27
Пенсне	31
Письмо внучке	34
Золоченый орех	35
Французская борьба	38
Бибабо и бильбоке	50
Скетинг-ринг	52
Каток	54
Замерзшее море	58
Лечение зуба	61
Пороховой шнур	66
Музыка	68
Живопись	70
Театр	73
Фейерверк	79
Болезнь	85
Это был кризис	88
Звёзды в форточке	90
Рыбная ловля	93
Бычки на креветку	95
Дельфин	102

Буря на море	105
Игрушечная яхта	108
Взрыв водорода	110
Плавни	120
Бегство в Аккерман	131
Модель Блерио	143
Гостиница “Центральная”	150
Комета Галлея	158
Дорогие игрушки	163
Ограбление газетного киоска	167
Дети капитана Гранта	175
Ловля воробьев	181
Лекция	188
Церковное вино	193
Японец	198
Спички	203
Клады	206
Кусочек фосфора	208
Выстрел с крыши	216
Слон Ямбо	221
Паноптикум	228
Герои русско-японской войны	230
Иллюзион	235
История с кошками и старым генералом	239
Бадер, Уточкин, Макдональд	243
Эрнест Витолло	250
Бутылка	256
Футбол	258
Соперник	263
Роковое клеймо	266
Лотерея-аллегри	273
Примечание	280
Шестигранный брикет	280
Маленькая диссертация о квартирантах	287

Обморок	293
Деревянный солдатик	295
Ящик	299
Монетка	302
Столовая ложка	309
Небольшие уличные происшествия	315
Драгоценные окаменелости	321
Афонский лимон в графине	326
Патроны, брошенные в костер	328
Таяние льда	331
Самодельная тележка	336
Зеркало	344
Мандолина	356
Перед Пасхой	361
Рождение братика	364
В верхних слоях атмосферы	372
Семена	377
Небольшой черный пудель	381
Извозчик	384
Ядро в цоколе Дюка	386
Микроскоп	390
Алмазная корона	392
Трамбовка	396
Прыжок смерти	401
Тетрадь с картинками	408
Тетины поклонники	413
Детское представление о смерти	428
Человеческий мозг	431
По горло в песке	436
Паломничество в Киев	438
Граммфонные иголки	450
Беспроволочный телеграф	455
Вечеринка	460
Мы ребята грузди!	463

Александровский парк	471
Гибель “Петропавловска”	476
Землетрясение	479
Рыбий жир	483
Падающие звёзды	496
“Ломай замо́к!”	499
Фани Марковна	502
Мама на улице	504
Карлики	506
Аптека	508
Утопленница	509
Волшебный рог Оберона	512
Слабительное	514
Папин завтрак	518
Постное масло	523
Мерцание рождественских снегов	525
Ватрушки с изюмом	529
Деревянное масло для лампадки	531
Парафиновый гусь	534
Папин комод	537
Бомба	550
Свиное сало	555
Боборыкин	557
Неудачное катанье на осле	559
Черный месяц март	566
Гололедица	583
Первая любовь	584
Затмение солнца	586

Валентин Катаев и его Одесса

“Детство” и “Отрочество” Льва Толстого. “Детство Багрова-внука” Сергея Аксакова. “Другие берега” Владимира Набокова. “Детство” и “В людях” Максима Горького. На полке с этими книгами стоит и катаевская “Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона”.

Но книги Толстого, Аксакова, Набокова написаны бывшими барчуками, детьми богатых помещиков. Жизнь Алеши Пешкова и его странной семейки — мир русского мещанского сословия, тоже давно ушедший. А вот жизнь обеспеченного интеллигентного горожанина начала XX века даже современному читателю еще понятна и в чем-то близка. Именно в такой семье родился Валентин Катаев.

Род Катаевых и род Бачеев

Род Катаевых происходил из Вятской земли. Биограф писателя Сергей Шаргунов нашел, что первое сохранившееся в архиве упоминание о некоем посадском человеке “Ондрюшке Мамонтове, сыне Катаеве” относится к 1615 году. Его потомки пошли по духовной стезе. Катаевы стали династией священников, что было делом обычным. Духовное сословие было достаточно замкнутым. Сыновья священников в свою очередь становились священниками или дьяками. Дед Валентина Катаева, о. Василий, служил в Свято-Троицком кафедральном соборе Вятки. Однажды он отправился исповедовать умирающего, но провалился под лед замерзшей реки Вятки. Спасая святые дары для последнего прича-

стия, он вымок в ледяной воде. Переохлаждение спровоцировало болезнь — “гнилую горячку”, от которой он умер в марте 1871 года. У отца Василия осталось три взрослых сына. Старший (Николай) и средний (Петр) окончили духовную семинарию, но священниками не стали. Младший (Михаил) сразу пошел на физико-математический факультет. Их путь типичен для того времени. Духовное сословие во второй половине XIX века стало одним из основных источников для новой социальной группы — разночинной интеллигенции. Она не вписывалась в официальную сословную структуру, но отличалась своим бытом, нравами, идеалами, образом жизни. Все три брата Катаевы переехали в Одессу. Петр Васильевич Катаев окончил там историко-филологический факультет Новороссийского университета, дополнив духовное образование светским.

Петр Васильевич начал преподавать в женском Епархиальном училище и в Юнкерском училище. В 1886 году он женился на девятнадцатилетней Евгении, дочери генерал-майора Ивана Елисеевича Бачея.

Род Бачеев или Бачеенко известен, по крайней мере, с середины XVII века, когда в реестре Яготинской сотни Переяславского полка появляется имя козака Войска Запорожского Кузьмы Бак(ч)еенко. Это было время Хмельниччины, или, как сейчас ее называют на Украине — Козацкой революции. Войско Запорожское подняло восстание против господства польской шляхты. После многих побед и поражений, украинские козаки перешли “под высокую руку” русского царя Алексея Михайловича. В этих исторических событиях козак Бачеенко (Бачей), вне всякого сомнения, участвовал. Его потомки до начала XVIII века были также простыми козаками. Материальное положение Бачеев заметно улучшилось в первой половине XVIII века, когда козак Николай Иванович Бачей купил “прадедовские земли” у другой козацкой семьи. А его сын Алексей Николаевич Бачей (Олексій Миколайович) в 1777 году стал значковым товарищем. Это уже довольно высокий ранг, который относился к козацкой старшине. Значко-

* Николай Катаев окончил кроме того Московскую духовную академию, преподавал в Одесской семинарии, но священнического сана не принял, оставшись светским человеком.

вый товарищ хотя был и ниже сотника, но подчинялся не сотнику, а непосредственно полковнику. Значковые товарищи хранили полковые знамена и хоругви сотен. Они же могли руководить отдельными отрядами и выполнять другие поручения полковников. Сыном этого Алексея был Елисей Бачей, русский офицер, участник войны 1812 года и заграничного похода русской армии. В 1846 году Сенат утвердил за Бачеями дворянство. Елисей и его дети были внесены в Родословную книгу Полтавской губернии.

Так что дед Валентина Катаева, Иван Елисеевич, был потомственным дворянином. Дворянство в России наследовало по отцовской, а не по материнской линии. Петр Васильевич Катаев дослужился только до звания надворного советника, которое давало не потомственное, а личное дворянство. Поэтому маленький Валентин Катаев и его брат Женя (будущий писатель Евгений Петров) были дворянскими детьми, но не дворянами. Это, впрочем, никак не мешало им в жизни. Сословная система в России дожидала последние годы.

Евгения Ивановна, мать братьев Катаевых, умерла, когда Вале пошел шестой год, а Жене — четыре месяца. Детей воспитывали отец и тётя с материнской стороны — Елизавета Ивановна, специально приехавшая из Екатеринослава. Описание этой яркой женщины читатель найдет в книге.

Вятская родина предков была известна Валентину Петровичу по рассказам отца. Только по ним он и мог себе представить “бревенчатый городской вятский дом с усадьбой, где жила семья протоиерея, баню”. Но далее писатель оговаривается, что “настоящую русскую баню с кирпичной печкой, полками, предбанником, береговыми вениками” он никогда не видел. Не было таких бань в Одессе. В Одессе были “бани Исаковича”, “с номерами, куда папа водил нас, детей, купаться в том случае, если квартира была без ванны”.

Как ни представляй себе дедовскую вятскую усадьбу и русскую баню, они будут иметь значения не больше, чем описания острова сокровищ у Стивенсона, или трущобы лондонского Ист-Энда в романах Диккенса. Подлинной родиной Катаева были Одесса и ее окрестности, и шире — юго-запад Новороссии: от Бессарабии до Екатеринослава.

Интересно, что и во внешности братьев Катаевых, и в их характере возобладали не северные, вятские, великороссийские черты, а именно южнорусские, но уже не украинские. Бачеи давно обрусели. Козаки стали русскими военными, офицерами*. Валентин и Евгений были ярко выраженными южанами. Оба — красивые brunettes, темпераментные, энергичные.

Голос Евгения не успели записать: младший брат не дожил и до сорока лет. Валентину повезло больше. Он проживет восемьдесят девять лет. Уцелеет на Первой мировой и на Гражданской войне. Выживет в застенках одесского ЧК. Сделает великолепную карьеру в русской советской литературе. Его книги включают в школьную программу. Его пьесы будут идти во МХАТе и на Бродвее. Он получит Орден Ленина, звание Героя Социалистического Труда и много других наград. Двум персонажам его повести “Белет парус одинокий” поставят памятник в Одессе. И до глубокой старости Катаев сохранит колоритный, густой одесский говор. На сохранившихся видеозаписях видно и слышно — перед нами не просто южанин, а подлинный одессит.

Ненаглядная Одесса

“Многие бы хотели родиться в Одессе, но не всем это удастся”, — писал Леонид Утёсов. Больше ста лет поэты, прозаики, музыканты, артисты покидали Одессу, чтобы сделать карьеру в Петрограде и Москве. Столичными знаменитостями стали Исаак Бабель, Юрий Олеша, Эдуард Багрицкий, Леонид Утёсов, Илья Ильф и брат Валентина Катаева Евгений Петров, а позднее — Михаил Жванецкий, Роман Карцев и еще многие. В чужих и холодных столичных городах они вспоминали родной город как покинутый рай, прекрасный город у ласкового, теплого моря. Они и создавали миф об Одессе.

* Такими военными со временем станут Валентин (он дослужится до подпоручика Русской армии) и Евгений — его последнее звание старший батальонный комиссар (подполковник) Красной Армии. “Я <...> офицер русской армии, внук генерала — участника покорения Кавказа и правнук героя Отечественной войны 1812 года капитана Нейшлотского полка Елисея Бачея”, — писал Катаев в своей книге “Кладбище в Скулянах”.

“Если бы Одесса была не самым лучшим городом в мире, разве я не любил бы ее? Может быть, немножко меньше, но любил. А так как она все-таки самый лучший город, то сами понимаете...”, — говорил и писал всё тот же Утёсов. И миллионными тиражами расходились его грампластинки с песней, сочиненной одесситом Модестом Табачниковым на стихи одессита же Семена Кирсанова:

Есть город, который я вижу во сне.
О если б вы знали, как дорог
У Черного моря открывшийся мне
В цветущих акациях город.

Но вот другой одессит, Владимир Жаботинский, писал в 1903 году: “Я не знаю в Одессе ни одного интеллигента, который не жаловался бы на одесскую скуку; и не встречал ни одного приезжего, который через месяц не завопил бы: «Как у вас в городе скучно!»” Это напечатано газетой “Одесские новости” от 10 сентября 1903 года. “Большое видится на расстоянии”. Впрочем, Жаботинский написал эти строки в Риме.

Одесса прожила и проживает до сих пор исторический цикл, сходный с теми, которые прожили итальянские средневековые города. Венеция. Генуя. Неаполь. Сначала расцвет экономический. Торговый город сказочно богатеет, приобретает известность далеко за пределами страны. В гавани тесно от кораблей. Портовые грузчики не успевают разгружать торговые суда. Затем богатые люди начинают застраивать родной город роскошными дворцами и величественными храмами. Они приглашают лучших архитекторов, а затем и художников, скульпторов, чтобы наполнить свои дворцы шедеврами искусства. За расцветом экономическим следует расцвет культуры. Он по инерции продолжается и в то время, когда городская торговля приходит в упадок, а потомки оборотистых буржуа вкладывают деньги в недвижимость, превращаясь в новых графов и герцогов. Проходит еще время, некогда вольный город становится частью какой-нибудь новой империи или королевства. А его дворцы и храмы превращаются в музеи, привлекающие толпы туристов. Одесса, в отличие от Венеции и Генуи, так и не стала вольным городом, если

не считать нескольких недель Одесской советской республики, созданной большевиками зимой 1918-го. Но под их властью не было ни воли, ни торговли. Одесса оставалась частью Российской империи, потом Советского Союза, независимой Украины. В этом она похожа не на Венецию, а на Неаполь, который тоже находился под властью то испанских, то французских, то итальянских королей.

Золотой век одесской торговли, эпоха порто-франко, когда город и порт был свободной экономической зоной, пришлось на первую половину позапрошлого века. Тогда Одесса и стала важнейшим центром хлебной торговли. Об Одессе как о городе сказочных богатств мечтает бальзаковский отец Горио: "...я оставлю в наследство миллионы! Честное слово! Я поеду в Одессу делать вермишель". Это написано в 1832-м. За десять лет до этого в Одессе жил Пушкин. Но Пушкин никак не одессит. До Бабеля, до Катаевых, Ильфа и Утесова оставалось еще много-много лет. Во второй половине пятидесятых Одесса лишилась статуса порто-франко, но городу это не повредило. Развитие капитализма в пореформенной России, строительство железных дорог способствовали процветанию бизнеса. Одесса на рубеже XIX и XX веков — один из крупнейших городов Российской империи. По численности населения она уступает только Петербургу, Москве и Варшаве: 405 041 человек, согласно первой всероссийской переписи населения 1897 года.

Хотя именно Валентин Катаев замечает, что Одесса в начале XX века уступала Екатеринославу, который "в техническом отношении был городом более передовым: электрические звонки, телефоны, электрическое освещение в домах и на улице, даже электрический трамвай, нарядные вагончики которого бегали вверх и вниз по главному бульвару города, рассыпал синие электрические искры и наполняя всё вокруг звоном и виолончельными звуками проводов". Для мальчика из Одессы всё это оказалось в новинку.

В Киеве маленький Валентин Катаев чувствует себя провинциалом, хотя Одесса превосходила Киев численностью населения. Но территориально Киев был больше за счет своих роскошных садов, к тому же он "бурно богател и строился". Валентин, брат Женя

и отец с удивлением “задирали головы вверх, считая этажи новых кирпичных домов, нередко восьми- и даже десятиэтажных”. В их родной Одессе такого не было.

А когда в 1914 году Турция закроет Босфор и Дарданеллы и начнет войну против России, коммерческая Одесса и вовсе потеряет свое значение. Одесса еще долго не увидит у себя торговых судов из Ньюкасла, Портсмута, Марселя, Ливорно, Порт-Саида. Из одесского порта в море будут выходить эсминцы и крейсера — сражаться с турками и немцами, или рыбацкие шаланды — ловить скумбрию и кефаль.

В это время Валентин Катаев уже печатал в одесских газетах свои первые стихи и учился литературному мастерству у Ивана Бунина. Первые публикации появились у Юрия Олеши и Эдуарда Багрицкого. А юный Исаак Бабель отправится в Петроград, где так напишет в своих “Листках об Одессе”: “Подумайте — город, в котором легко жить, в котором ясно жить. Половину населения его составляют евреи...” Так появится еще один миф об Одессе.

Евреи составляли в то время не половину, а треть населения Одессы. Но, читая Бабеля, можно подумать, будто вся Одесса была одним гигантским штетлом — еврейским местечком. На самом деле, таким местечком была знаменитая Молдаванка — один из районов Одессы. Далекое не центр в то время, но уже давно не предместье, даже не окраина. Лучшее всего написал о Молдаванке Бабель, но он был писателем, а не этнографом. Автор “Одесских рассказов”, конечно, романтизировал и приукрасил Молдаванку, превратил ее в мир красочный, карнавальный. Точнее будут ироничные и горькие слова рабби Моталэ из “Конармии”: “Благочестивый город <...> звезда нашего изгнания, невольный колодезь наших бедствий!” “Благочестивый город” — это откровенное издевательство. В глазах религиозного еврея из местечка, Одесса — город тех евреев, что забыли или забывают Бога и Тору. Молдаванка на самом деле была довольно бедным районом, добровольным еврейским гетто. Добровольным, потому что вся Одесса входила в черту оседлости, но многие районы имели именно национальную специфику. Свои селились рядом со своими. На Молдаванке жили евреи, в Слободке — бедные русские (в центре — богатые русские), на Пересыпи — украинцы.

В 1936 году Валентин Катаев написал самую знаменитую свою повесть — “Белеет парус одинокий”. О детстве Пети Бачея в Одессе, на фоне революционных событий 1905 года. Катаев подарил герою и свою биографию, и фамилию матери. В этой повести есть и революция, и броненосец “Потемкин”, и описание еврейского погрома, жертвой которого едва не становится интеллигентная семья Пети. Ничего похожего мы не найдем в “Разбитой жизни”. Знаменитая Малая Арнаутская улица кажется герою очень далекой, хотя “на самом деле она находилась совсем близко. Попадая на эту улицу, мы сразу погружались в мир еврейской нищеты со всеми ее сумбурными красками и приторными запахами”. Мельком упомянуты “молодые евреи в куцых лапсердаках, подпоясанных веревкой”, да еще еврей в лавке, купивший у мальчика дорогой географический атлас. Эта тема — периферийная для Катаева.

Для друга Валентина Катаева, Юрия Олеша, Одесса была, в первую очередь, частью Европы. “Этот город сделан иностранцами”, — писал Юрий Карлович. Мальчик из польской семьи, он думал, мечтал не столько о Польше, сколько вообще о Европе. И с удовольствием отмечал, как много европейского в родном городе: “Ришелье, де Волан, Ланжерон, Маразли, Диалегмено, Рапи, Рено, Бонифаци — вот имена, которые окружали меня в Одессе — на углах улиц, на вывесках, памятниках и оградах. И даже позади прозаической русской — Демидов — развевался пышный парус Сан-Донато”. Катаев этого не отрицает, но оценивает иначе. Впервые попав в кинематограф, он думает не о братьях Люмьер, не о чудесах западной техники. Он чувствует “прилив патриотизма, гордость за успехи родного, отечественного кинематографа”. Олеша увлекался спортом, играл в футбол. Он с удовольствием замечал: “Спорт — это шло из Европы”. Один из самых ярких эпизодов “Разбитой жизни” связан как раз со спортом, а именно — с велогонкой на треке. Герой вместе со своим знакомым, Борей, пришел посмотреть на состязание между британцем Макдональдом, немцем Бадером и русским гонщиком Уточкинским. Во время гонки был момент, когда казалось, будто Уточкин проигрывает, что ему не догнать уходящего вперед немца: “...мне было жалко и себя, и Борю, и Уточкина, и нашу родину Россию, и гривенники, потраченные на входной билет”, — вспоминает Катаев. Олеша тоже

любил и высоко ценил Уточкина, но он никогда бы так не написал, хотя восхищался им не меньше Катаева. Уточкин был для Олеси не представителем России, а просто выдающимся спортсменом.

Можно было бы заподозрить Катаева в желании выслужиться перед властью, недаром же он много лет был преуспевающим советским писателем. И в прежних книгах он не забывал подчеркнуть, какой замечательной была Октябрьская революция, как обязан он советской власти и т.п. Даже в “Траве забвения” еще есть такие политические реверансы. Ничего подобного в “Разбитой жизни” я не нахожу. Это удивительно, но Катаев написал в далеком советском 1973-м книгу, совершенно несоветскую. А как же 1905 год, а где же броненосец “Потемкин”? Где пламенные революционеры? Вместо них — лишь странный рассказ о двух загадочных дамочках, снимавших комнату у Катаевых. Готовили на спиртовке, ели чайную колбасу, читали социал-демократические брошюры — и почему-то долго не открывали, когда отец героя попросил у дамочек документы для регистрации в полиции. И не ясно: кем были эти дамочки, почему долго не открывали? Они — революционерки, прятали запрещенные книжки? Но таких легчайших намеков между строк, пожалуй, будет маловато для классической советской литературы.

Так что русский патриотизм Катаева в этой книге впервые совершенно очищен от лояльности советской власти. Возможно, он стал таким, потому что Петр Васильевич Катаев с сыновьями жил ближе к центру города, где преобладали русские, православные. Валентин, скорее всего, был атеистом, но красота православного богослужения ему нравилась. Причастие ассоциировалось не с телом и кровью Христа, а с вином: “Уже само причащение как бы вводило нас в мир легкого, божественного опьянения. Поднявшись по ковровой дорожке, закрепленной медными прутьями, по двум ступенькам клироса, я останавливался перед молодым священником с золотистой бородкой, который в одной руке держал святую чашу, а в другой — длинную золотую ложечку, называемую по-церковнославянски «лжицею»”. Олеша смотрел на этот мир со стороны: “У них колокола с их гигантскими лопающимися пузырями звука, у них разноцветные яйца, у них христосование... У них солдаты в черных с красными погонами мундирах

и горничные с белоснежными платочками в руке...” А для Катаева именно этот мир был своим. Мир русской Одессы сформировал его идентичность, хотя рядом с ней были Одесса еврейская, украинская, польская. А ведь в этом городе жили и турки, и болгары, и греки, и немцы. Но “плавильным” котлом Одесса не стала. Скорее это был “салат”, где разные ингредиенты находятся рядом, обмениваются вкусами и ароматами, но не растворяются друг в друге. Русский извозчик, доставив седока на Дерibasовскую, вполне по-одесски говорил тому: “Вы имеете Дерibasовскую”. Еврей-портной мог сказать сбившемуся с дороги заказчику: “Где вы идете?” вместо “Куда вы идете?”. Украинка, вроде мадам Стороженко из давней повести Катаева, зазывала покупательницу, какую-нибудь кухарку: “Мадам, вернитесь! Если эту рыбу вы называете «Нечего жарить», то я не знаю, у кого вы будете иметь крупнее!” Не только к слиянию, но даже к сближению народов это не привело: “Посещали и приглашали поляки поляков, русские русских, евреи евреев; исключения попадались сравнительно редко”, — писал Владимир Жаботинский в своем романе “Пятеро”.

Время мовизма

Валентин Катаев давно знал сильные и слабые стороны своего таланта. Он был одним из лучших стилистов русской литературы своего времени. Но создается впечатление, что сюжет и герои ему просто мешали. Даже в детской повести он увлекался бесконечными описаниями морской воды, рыбьей чешуи, жестяной корбочки из-под монпансье. Терялся темп повествования, слабела интрига, зато Катаев тонко и точно передавал ощущение ребенка, который пьет в жаркий день “кипучий стакан” газированной воды “Фиалка” и “пахучий газ бьет через горло в нос”.

Условности художественной литературы требовали конструировать традиционное повествование с завязкой, интригой, развязкой, многочисленными героями. Но модернизм XX века принес новые формы и в литературу. Один из новых способов повествования родился неожиданно. В 1960 году умер Юрий Олеша. В архиве писателя накопилось множество черновиков недописан-

ных сочинений, от задуманного им романа “Нищий” до книги мемуаров, которую Олеша хотел назвать безыскусно и просто: “Воспоминания и размышления” (знать бы маршалу Жукову!). Но всё это осталось даже не в черновиках — во фрагментах, в заготовках. И тогда литературоведы Виктор Шкловский и Михаил Громов придумали такое решение. Собрали самые лучшие и относительно связные фрагменты. Так старатель отбирает золотые крупинки от речного песка. Выстроили, сплавил, соединили в единый текст под названием “Ни дня без строчки”. Его начало получилось связанным хронологически и тематически (детство, Одесса, Москва, Золотая полка), но дальше связи становятся всё более ассоциативными (Удивительный перекресток). Читатель переходит по цепочке ассоциаций от фрагмента к фрагменту. Вот этот принцип организации текста Катаев и взял на вооружение. Нельзя сказать, что Катаев позаимствовал его у Олеси. Сам Олеша не собирался так писать. Катаев просто внимательно прочитал и творчески воспринял книгу, составленную филологами из черновиков своего старого друга.

Свободная организация текста. Столь же свободные отношения с хронологией. Видимая “спонтанность” письма. Вместо единого сюжета — россыпь небольших историй с микросюжетами. Набор крохотных новелл.

Свою новую творческую манеру Катаев назвал “мовизмом”. От французского *mauvais* — “дурно, плохо”. Это то ли шутка, то ли кокетство. “Мовистские” вещи написаны превосходно, а их автор знал себе цену.

Критик Сергей Чупринин вспоминал, как однажды, как раз в начале семидесятых, кто-то из молодых писателей обратился к Катаеву со словами: “Валентин Петрович, вот вы сегодня лучше всех пишете на русском языке. Скажите, пожалуйста...” “Скажу, — прервал вопрошателя Катаев. — Скажу, что лучше всех на русском языке сегодня пишет Владимир Набоков. Все услышали, нет? Тогда я повторяю — и будто в разрядку — НА-БО-КОВ!” И, помедлив, обвел глазами зал: “Я — второй”. Пожалуй, он был

* Чупринин С.И. Вот моя жизнь. Фейсбучный роман. Москва : Рипол классик, 2016. С. 21–22.